

Сергей
Ткаченко

Музыка спящих

Сергей Ткаченко

Музыка спящих

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ткаченко С.

Музыка спящих / С. Ткаченко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Что произойдет, если в сны любого человека можно будет войти осознанно, как в интернет? И сны всего человечества станут единым виртуальным пространством – дримом? Безусловно, это рывок, сравнимый с выходом в космос. Дрим порождает новые возможности, новые решения и новые проблемы. И новые профессии, призванные эти проблемы решать. Андрей Тарасов является представителем одной такой профессии – он дример. Он один из «ангелов-хранителей» дрима, охраняющий людей от сумрачных порождений их собственного подсознания, которые материализуются в дриме. А ещё он секретный сотрудник службы безопасности корпорации Интердрим, создавшей и монопольно владеющей этим пространством. Власть над целой реальностью, пусть и эфемерной как сон, притягательна. И многим не дает покоя. Задача Тарасова и его шефа Отто Шульца – анализ и расследование всего странного и непонятного, что происходит в дриме и вокруг корпорации. Потому что все странное – потенциально опасно. А странности в последнее время начали накапливаться...

© Ткаченко С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Сергей Ткаченко

Музыка спящих

…Древние финикийцы делили людей на три категории: живые, мёртвые и «те, кто в море». Человек не рождён для воды, эта стихия ему чужда. Манящая и коварная в своей податливости. Как душа женщины. Но разве это остановило человека?

Потом был воздух. Гордый и независимый, как дух мужчины. Всю свою сознательную историю люди завидовали птицам. Причём, завидовали активно: бессмертные боги, ведьмы в ступах и на метле, Икар и Дедал – они умели летать. Хрустальная мечта человечества. Но потом человечество повзрослело, и мечта превратилась в техническую задачу. Двадцатый век решил её блестяще.

О космосе даже и мечтать толком не успевали. Лопнули со звоном хрустальные небеса. Ап! И люди уже там, по ту сторону… Как-то слишком всё быстро. Слишком… Или это я старею? Брюзжание – первый признак душевной усталости…

Отто налил в бокал на полпальца коньяка, раскурил сигару. Этот вечер он решил посвятить себе. Лично. День был суматошный, пациенты разрывали на части его видеотелефон. Очерь на прием к именитому психоаналитику выстроилась на три месяца вперёд. А работать не хочется. Глупо как-то. Вот она, обратная сторона свободы – никто не имеет возможности дать бодрящего пинка тому, кто сам себе директор. А ведь работу нужно хотя бы имитировать, дабы клиентуру не растерять.

Сумерки за окном плавно превращались в полноценную ночь, но Отто не спешил включать освещение. Огонька сигары ему сейчас вполне хватало. Странное что-то творится сейчас в его душе. Мысли дурацкие в голову лезут. Опять, например, возникла идея попробовать самому выйти в дрим. Ещё один раз. Прочувствовать мир, который он так ревностно охраняет. Каково это – бороздить океан, в который словно ручейки и реки, стекаются человеческие сновидения? А вдруг результат прошлой попытки был просто случайностью?

Шульц тяжело вздохнул и отхлебнул ещё огненной жидкости. Не будем питать иллюзий – именно ему дрим недоступен. Как говорили предки по этому поводу – сапожник без сапог.

Нет, про космос всё-таки люди успели немножко помечтать – несколько десятков лет у них на это было. А вот на мечты о дриме у человечества времени не было совершенно.

Затушив сигару и решительно водрузив бутылку с коньяком в сервант, Отто включил свет. Вечер для себя – это непозволительная роскошь. Надо работать. Охранять этот чёртов дрим. Перечитав в очередной раз входящий документ, Шульц опять погрузился в невесёлые раздумья, но уже по иному поводу. Ну почему эти идиоты решили поставить его в известность о проекте в последний момент, когда буквально все, кто мог и хотел, обошли по этому направлению Интердриму на три круга вперед и вышли на финишную прямую? А теперь он должен прикрывать их разжиревшие задницы.

После короткого раздумья очередная сигара стала жертвой гильотины. Что ж, надо подключать к этому делу Андрея, и плевать на все коды доступа и уровни секретности. Иначе…

* * *

Андрей сладко и широко зевнул. Пора на работу, и он в прекрасной форме. Конкретных задач на сегодняшний рейд не было, а значит, можно просто прогуляться по дриму. Например, по Белому миру – миру тишины, спокойствия и размышлений. Он удобней примостился в утробе комплекса сопровождения и настроился на образ портала. Приятная тёплая тяжесть разлилась по телу – первый признак того, что он засыпает. Образ двери сначала возник в созна-

нии, слегка поплыл, а потом приблизился, будто скачком. Андрей понял, что уже спит, и, старавшись не оглядываться по сторонам, потянул ручку двери на себя...

На этот раз Мир Дверей, с которого начинался дрим, приснился ему в образе бескрайней степи. Трава уже утратила весеннюю сочность, но была ещё по-прежнему зелёной, тёплый ветер приятно ласкал кожу. В этот мир дример попадал всегда абсолютно голым. Любой дример. Почему так? Может это знак полного слияния с дримом? Трудно что-либо взять объяснить, когда имеешь дело со сновидениями. Особенно чужими. Ведь сон, как и весь дрим – это один сплошной символ.

Впрочем, Андрей не стыдился своей наготы. Как и всякий дример с многолетней практикой он имел великолепно проработанное тело – Аполлон позавидовал бы. Мягкие пшеничного цвета волосы трепетали под струями воздуха в изящной небрежности. Давненько Тарасов не был у парикмахера. Да и брился он не особенно регулярно, многодневная щетина никак не предавала парню элегантности. Ещё одна профессиональная «болезнь» дримеров: какой смысл каждый день скоблить лицо, если большую часть времени проводишь в мире сновидений. И только карие глаза среди всего этого разгульдяйства сверкали словно звёзды от восторга. А восторгаться было чем!

Над степью величественно парили миллионы дверей. Дверей во все сны, к которым имел доступ Интердрим. Человека, попавшего сюда впервые, это зрелище буквально припечатывало к земле. Можно часами сидеть и наблюдать за тем, как неспешно и величественно парят они вокруг, подобно Мальстриму, разбиваясь на могучие реки, дробясь на стремительные течения, тихие заводи и тоненькие ручейки. Каким-то образом они разбивались по тематике: вот здесь черно-белые сны уставших работяг, не обременённых излишней фантазией; вот горячечный бред всех тех, чьи тела мечутся в белой горячке и наркотической ломке. А вот могучая и полноводная река мрачных невротических кошмаров. Андрея передёрнуло – нет, к счастью, ему сейчас в эту клоаку погружаться не нужно. Легонько оттолкнувшись от земли, дример взлетел над этим морем. Ага, вот оно! Вон там, за блестящими, словно самоцветы, гирляндами детских сновидений. (До чего приятное местечко! Именно здесь понимаешь всю соль работы дримера, когда видишь удивлённо-радостное лицо малыша, только что спасённого тобой от злой Бабы-Яги, хотелщей поймать его в тёмном лесу). Белая полоса. Точнее кольцо, круговое течение. Это и есть вход в Белый мир. Мир спокойствия и равновесия, мир отдыха после освобождения от кошмаров и принятия решений, мир размышлений и медитаций. Мир накопления энергии, мир оцепенения.

Привычным движением Андрей выкинул руку в сторону, и под ней послушно возникла клавиатура интерфейса. Каждый дример сам для себя создаёт этот образ для общения с дримом. Например, у Влады – это хрустальный шар. А Рей ездит в крытой карете с кучером. Наверное, Андрей в душе консерватор и приверженец традиций. А посему его интерфейс представил пред ним в образе старинного доколограммного компьютера. Не глядя на клавиатуру, он набрал нужную комбинацию и впечатал «Enter». Мир тут же на секунду словно покрылся туманом, а в следующий миг перед ним предстала главный портал Альбедо. Так традиционно именовали Белый мир. Дример толкнул дверь.

Зима. Впрочем, чего ещё можно было ожидать от этого мира? Ночное небо без звёзд. Лёгкие пушинки снега ложатся на мохнатую шубу, невесть откуда очутившуюся на плечах Андрея. Он стоял на вершине холма, а внизу у подножья был каток в окружении деревьев. Чуть дальше стоял то ли замок, то ли вокзал – нечто из категории «не-смотри-в-упор». Когда начинаешь на такие вещи пялиться, то они стремятся поплыть, изменить свою и без того текучую форму до полного отрыва от каких-либо аналогий с реальным миром. Всё остальное было не прочерчено, неуловимо терялось, как бы в тумане. Хотя и туманом назвать это тоже нельзя: граница сновидения само по себе явление прелюбопытнейшее. Собственно, основная задача дрим-процессора – это стабилизация картины сна, его ландшафта. Тогда дневное сознание

человека избавляется от потребности отвлекаться на массу деталей и полноценно работает с внешней информацией.

На катке кто-то выписывал на коньках фигуры «высшего пилотажа». Судя по всему – это сам сновидец, автор сна, в который попал Андрей. Дриммер не задавал чётких параметров поиска сна, не искал сон конкретного человека – он хотел просто отдохнуть и настроиться на дальнейшую работу. А посему и заказал классический сон-альбето. Этот подходил как нельзя лучше.

Вдохнув свежий морозный воздух, Андрей шагнул вниз. Ему тоже захотелось попробовать стать на лёд. А в следующий миг прозвучал сигнал вызова. Пред ним в воздухе повис экран монитора с заставкой деловой связи – обезьяна с видом крайнего недоумения одной рукой чесала макушку, а в другой вертела перед носом старинный бумажный почтовый конверт. Время от времени она поглядывала на Андрея с монитора и пожимала плечами, вроде спрашивая, что с этой ерундой делать? Внизу бегущая строка высвечивала адрес, на который был получен запрос: «Тарасов Андрей Игоревич. Дример. Частная практика. Номер лицензии: АА 1727903. Абонент Сара Милдон просит авторизации». Скорее всего, это был клиент. Работать жутко не хотелось, но и деньги сейчас были как нельзя кстати (а когда они не кстати?). За квартиру заплатить надо, лицензию оплатить надо, а ещё... Было одно обстоятельство. Оно и сыграло решающую роль. Тяжело вздохнув, он утвердительно кивнул обезьяне, и та, радостно взвизгнув, принялась терзать конверт... Через секунду на экране появилось мило-видное женское лицо.

– Добрый день. Меня зовут Сара. Я обращаюсь к вам по рекомендации профессора Шульца...

Это и было тем самым обстоятельством – протекция Шульца.

Ага... Очередная невротичка. Старина Отто вспомнил, что у меня сегодня выходной и решил спихнуть «наваристого» клиента. Опять, наверное, в загул собрался. Чем он её, интересно, нагрузил? Родовая психотравма, плавно переходящая в вялотекущую аракофобию? Или постнатальный квазисиндром комплекса Электры? И без оперативного вмешательства дримера, естественно, кранты! Андрей подавил позыв к смешку. Ладушки! Не подведём старого кобеля, то бишь, именитого, наигламурнейшего психоаналитика всех времён и народов...

Андрей хищно улыбнулся. Мысленно конечно. Отто работал исключительно с теми клиентами, точнее клиентками, которые считали ниже своего достоинства платить за копание в своей драгоценной душе гонорар меньше средней месячной зарплаты топ-менеджера. За час работы с их исключительной персоной, естественно. «Ну что ж, старый мошенник, я тебя не подведу! Устроим кошельку этой милашки такое кровопускание, от которого Джек-Потрошитель прослезится в умилении. Будет знать, как отрывать занятого дримера от размышления о судьбах мира.»

– Профессор предупреждал о сумме гонорара, который я беру за работу? – Андрей надел лицо маску «Чертовски Занятого Преуспевающего Профессионала», который по странной прихоти уделил внимание оной особе.

– Да, конечно... 2000 кредитов вас устроят?

Андрей с трудом устоял на ногах. Он рассчитывал с максимальным пафосом истребовать половину названной суммы. Чтобы «скрипя сердцем», сбавить до 700 – своего «vip-гонорара» для клиентов «от Отто». «Шульц определённо псих... Но псих гениальный! Где ему удаётся откапывать таких истеричек?»

– Так вы согласны?

Похоже пауза затянулась, и женщина интерпретировала её по-своему:

– 2500!!!

Маска «ЧЗПП» едва не треснула от такого удара – до конца месяца, который начался вчера, он мог плевать теперь на работу. Даже с учётом оплаты лицензии. Если получит названный гонорар.

– Расскажите, для начала, в чём ваша проблема?

Позади Андрея возникло уютное кожаное кресло. Он устроился поудобнее, всем видом выражая намерение слушать долго и внимательно. Практика показывала, что львиную долю своего гонорара пример отрабатывает выслушивая стенания клиента. На неудавшуюся личную жизнь, на разбитую карьеру и сволочного супруга (супругу), которому (которой) посвящена вся любовь без остатка, а взамен получены сплошные изменения и черная неблагодарность.

– Понимаете, Андрей... Можно я буду к вам так обращаться?... Так вот, уже целый месяц почти каждую ночь мне снится один и тот же сон: я нахожусь в средневековом замке, вокруг толпа гостей – вроде как происходит приём каких-то высокопоставленных особ. И вдруг я понимаю, что являюсь принцессой, но принцессой попавшей в немилость к монарху, а потому я не могу быть вместе со всеми. Мне выделен небольшой шаткий столик с каким-то варевом. И вот когда я направляюсь к нему, вдруг из толпы выскакивает шут и вонзает мне в грудь обеденную вилку! Я падаю лицом прямо в варево, а он стоит надо мной и ухмыляется... Видели бы вы, Андрей, как мерзко он улыбается! А гости ничего не замечают. И король, мой отец, даже отворачивается в другую сторону... Это так обидно! Вы... поможете мне?

Андрей помолчал с видом крайней задумчивости. Потом встал с кресла и походил с видом крайней озабоченности.

– Скажите, Сара, вы понимаете символический ряд этого сна?

– Да, конечно! – торопливо затараторила она, – Профессор мне всё объяснил. Замок – это моя личность, воспитанная в духе строгой морали и ответственности. Король – это суперэго или цензура, следящая за неукоснительным исполнением всех норм и правил, ориентированная на крайний аскетизм. Приём гостей – это внешний мир с его соблазнами и страстями. Праздничный стол – это внебрачная сексуальная жизнь, к которой я подсознательно стремлюсь, а мой шаткий столик с похлёбкой – это моё восприятие моей супружеской жизни. Шут – это неудовлетворённые амбиции, которые не дают мне адекватно воспринимать мою личную жизнь и наслаждаться ею.

Она посмотрела на него выжидательно и как-то беспомощно. «М-да... Похоже старина Шульц не зря ест свой шнапс с икоркой. Как красиво всё расчесал. И заковыристо... Ладно, будем и мы свой хлеб с маслом отрабатывать». Работа была пустяковой – всего-то разрешить от имени цензуры видеть некоторые радости жизни и в рамках семейных отношений. Можно было бы её допустить и к «общему столу», сняв внутренний запрет на внебрачный интим. Но тогда старый король мог бы и от инфаркта помереть. И в замке (то-бишь в голове этой милой дамы) началось бы форменное безобразие и прочая анархия со сменой династии. А профессор прикладного психоанализа Отто Шульц получил бы ещё одного стабильного и прилежного в оплате клиента. Не стоит загружать старика – у него и так забот полон рот. Тем более, что он любит разнообразие в клиенточках.

– Хорошо, я берусь за эту работу. Введите код доступа к вашему сновидению и ждите.

* * *

В начале 22-го века, когда, казалось бы, решены были все политические, экономические и экологические проблемы, перед людьми возник новый кризис. Урегулирование политических конфликтов привело к высвобождению значительных капиталов из военной промышленности. Вопрос о том, куда их вкладывать, не возник бы даже у пятилетнего малыша – высокие технологии ещё с конца позапрошлого века давали самые высокие дивиденды. Подобного расцвета наука не переживала ещё со времён Ренессанса, когда золото инков хлынуло в Европу

и усиленно вкладывалось в развитие промышленности. Открытия и изобретения посыпались как из Рога Изобилия, всё новые и новые виды различных технологий и научные направления возникали, как грибы после дождя.

И вдруг человечество обнаружило, что оно задыхается в пене новой информации – безбрежные океаны необработанных данных и результатов самых разных исследований так и оставались невостребованными теми, для кого они предназначались. Человек просто физически не успевал усвоить и проанализировать всё то, что ему было необходимо знать для эффективной деловой жизни и научного творчества. Штаты работников аналитических отделов в серьезных структурах разрастались неимоверно, а их специализация делалась всё более и более узкой. В конце концов начало доходить до того, что для принятия любого самого элементарного решения приходилось собирать консилиумы более чем из десятка специалистов, потому что никто не мог сказать, столкнувшись с новой информацией, как она влияет на деятельность компании. А количество решений, которые приходилось принимать за день, подсчёту вообще не поддавалось.

Эксперименты по созданию полноценного искусственного интеллекта, способного взять на себя решение хоть какой-то части человеческих проблем, успехом не увенчались. Равно как и попытки через форсаж деятельности нервной системы, дабы «растянуть» проклятые 24 часа в сутках хотя бы до 30-ти. С тоской и вожделением человечество устремляло взоры на те 6–8 часов, которые приходилось ежесуточно жертвовать Морфею.

Во всём мире создавались научные центры, институты и лаборатории, изучавшие проблему сна. Подходы были самые различные – от попыток создать «сон в таблетках», устраниющих потребность во сне как таковую, до искусственного лунатизма, когда человек в бессознательном состоянии мог выполнять свою работу. Но человеческая природа на компромисс не пошла. Примитивные механические действия в этом состоянии ещё производились, но тонкая аналитическая и творческая работа таким добровольным зомби не давалась.

Как и большинство великих открытий, открытие ДРИМА произошло случайно. Точнее, не открытие, а создание. Первые робкие попытки подсмотреть чужие сны посредством компьютера, делались ещё в конце позапрошлого века. Однако этот процесс, кроме психоаналитиков, никого по-настоящему не интересовал. Так, экзотика. И вот, спустя два столетия, к этой теме вновь обратили взоры. Только цели теперь стояли качественно иные. Задачей проекта было научить человека входить в состояние ОСОЗНАННОГО сновидения. Находясь в пространстве собственного сна, который шёл своим чередом, человек мог делать то, что ему захочется. Например, размышлять над животрепещущей проблемой, которую не мог решить днём. Заниматься творчеством. Или знакомиться с новой информацией – благо подключиться к ней технически не составляло труда. Равно как и контролировать любые технические процессы на производстве – теперь оператор практически сутками мог не покидать своё рабочее место.

Следующий и решающий шаг к созданию дрима произошёл тогда, когда у экспериментаторов возник вопрос – а что произойдёт, если несколько людей в состоянии осознанного сновидения подключить в сеть? В ходе первого эксперимента к сети подключили двух испытуемых. В результате оказалось, что их сны создали как бы единое пространство! Каждый видел в своём сне новый для себя предмет – висящую в воздухе, в полуметре над землёй, дверь. Она воспринималась обоими сновидцами чужеродной даже на фоне общей фантасмагории сновидений. Оправившись от шока, один из смельчаков решился открыть эту дверь и сделать шаг за порог. Дальше всё было просто. Потому как «скрестить» дрим-процессор (так обозвали это чудо компьютерной техники) с сетью Интернета – стало просто делом техники. И родился дримм – единое бесконечное сновидение всего человечества.

Если Интернет по сути своей был явлением бесхозным, то дрим у своих истоков уже имел совершенно конкретных людей, целиком и полностью осознающих перспективы своего детища. Интердри姆 как монопольный администратор дрима, возник сразу и повсеместно, во

всём своём монументальном великолепии – благо, что с финансами и прочими ресурсами проблем не возникало абсолютно. Каждая мало-мальски серьезная структура почитала за благо послужить чем-либо этому гиганту.

Однако вскоре выяснилась прелюбопытнейшая вещь – дрим не был простой копией Интернета, украшенной спецэффектами. Он жил собственной жизнью, как и любое человеческое сновидение. Дрим плевал на логику и потребности деловой жизни, он создавал свои собственные правила общения с собой. Кто-то этих правил не понимал и не принимал. Попадая в пространство дрима, такие люди чувствовали ничем не объяснимый ужас. Таких людей окрестили «дрим-аллергиками». Однако, были и люди, которые в дриме чувствовали себя как дома. Они имели власть формировать его, влиять на чужие сны. Их называли дримерами. На их плечи легла задача поддержания порядка и оказания помощи тем, кто встречался в дриме со своей собственной сущностью, и ничего приятного в этой встрече не находил. Они так же охраняли своих работодателей от несанкционированного доступа к их душам и помогали клиентам со своими душами подружиться.

Стоит ли удивляться тому, что они первыми ощутили присутствие тех, кто были настоящими хозяевами дрима. В своих профессиональных байках и небылицах дримеры их называли богами сновидений.

* * *

Прямо перед дримером возникли тяжёлые дубовые двери, окованные железом. Он потянул ручку на себя и переступил порог огромного зала в классическом средневековом замке. Его никто не заметил. Чего и следовало ожидать – Андрей ещё не включился в структуру сна. Проходя сквозь галантных кавалеров и изящных дам как сквозь туман, он направился прямиком к трону, где сидел могущественный король. Нет, пожалуй Король! Воплощённый идеал и мечта сторонника просвещённого самодержавия. Подойдя вплотную, Андрей сам сел в трон, слившись с самодержцем воедино. И лишь тогда раскрылся.

Он посмотрел на свои руки. На пальцы, униженные перстнями. Сжал и разжал кулаки. Идентификация завершилась – матрица короля его слушалась. Теперь следующий шаг. Медленно закрыв глаза, он начал врастать в ткань сна, в его самую сущность.

Фактически, в данный момент его личность посредством машины становилась единственным целым с личностью Сары. Это происходило сотни раз, но каждый раз он внутренне трепетал перед мистичностью этого акта. По сути, теперь он стал для клиентки личным Морфеем. Богом её сна. Код доступа был той «волшебной палочкой», без которой функция врастания невозможна. Да, без него дример может прийти в гости к сновидцу, может поболтать с ним, выпить-закусить, но не сможет работать! Не сможет стать самим сновидением. Передача кода доступа была актом высшего доверия, а потому репутация для дримера была дороже, чем для средневекового самурая его фамильный меч. Несмотря на свои 35 лет, Андрей наработал исключительную репутацию. Собственно говоря, двойное «А» в номере его лицензии, свидетельствовало само за себя – он относился к элитным дримерам, имеющим право и квалификацию работать со всеми категориями сновидений, вплоть до горячечного бреда.

Он вновь открыл глаза. Теперь его «пальцами» были все персонажи сна. Андрей слегка ими «пошевелил», не нарушая общего сюжета: вот высокий сеньор в чалме из связанных воедино носков почесал нос; а вот пышная дама со стальной розой в петлице френча положила себе в тарелку на одну ложку больше, чем намеревалась. Порядок. Итак, переходим к главному действу. Ага, вот и Сара. Прекрасная принцесса стояла возле кресла-качалки, на которое неведомо как был нахлобучен летучий змей из пергамента. В его центре стоял чугунок с вареным картофелем. Даже на вид это блюдо казалось холодным не солёным и крайне не аппетитным. Образ семейной жизни явно получил развитие. И далеко не в лучшую сторону.

«Похоже, у бедняжки серьезные проблемы, если для неё её отношения с мужем такие нестабильные и пресные. Скорее всего, он изменяет, и она догадывается об этом». Она стояла с затравленным видом и старалась заглянуть в глаза высочайшему монарху. Андрей, как и полагалось ему по роли, надменно отводил взгляд. Вздохнув, принцесса отвернулась и направилась к креслу. Пора выпускать шута. Шут не заставил себя ждать и тенью бросился к принцессе, на ходу отводя руку с вилкой для удара. На лице девушки возникло недоумение, а потом испуг. Она оцепенела. И тут в накатанный сценарий сна ворвалась задуманная драматургом сцена. Между принцессой и шутом буквально из-ниоткуда материализовался король. Перехватив руку с вилкой, монарх картинно прижал своей могучей дланью зарвавшегося шута к земле. Лицо последнего исказилось в неописуемом ужасе. Оставив врага поверженным, король обернулся к своему чаду и заключил оное в любящие отцовские объятия. Кресло-качалка как-то незаметно трансформировалась в изящный столик, уставленный всевозможными блюдами и лакомствами. Принцесса тут же набросилась на всё это с аппетитом достойным землепашца, вернувшегося с поля. Не удержавшись, в приливе куражажа, Андрей добавил к этому изобилию ещё один маленький штрих – на золотом чеканном блюде в центре стола появился здоровенный банан в окружении двух апельсинов. Принцесса тут же его схватила и начала чистить. «Дедушке Фрейду этого видеть нельзя, а то его хватит кондрашка от умиления! – устало улыбнулся про себя Андрей. – Ну всё. «Мавра сделал своё дело – мавра может уходить». Если я хоть что-нибудь понимаю в инженерии человеческих душ, то они будут жить вместе долго и счастливо… Правда, насчёт «умрут в один день» затрудняюсь прогнозировать». Тень, которую никто не мог увидеть, выскользнула из замка, а гости толпились возле маленького изящного столика, начисто позабыв о большом банкетном…

* * *

Отто театрально хлопнул три раза в ладони.

– Браво-браво-браво!!!! Я никогда не сомневался в твоих актёрских талантах. Именно поэтому я чаще всего отправляю своих клиентов на дошлифовку к тебе. Организовать такой шикарный катарсис! Особенно мне понравился тот фаллический банан… – он картинно закатил глаза, изображая степень восхищения. – Ты всегда себя низко ценил как профессионала, Андрей. Твоя такса уже давно морально устарела.

Андрей уже проснулся и разговаривал с Шульцом по видеосвязи. Голограмма профессора разгуливала по его кухне, а дример тем временем хлебал крепкий ароматный кофе. Сегодня голопроектор «выгуливал» профессора не в его обычном классическом костюм-тройке, который был данью моде начала 20-го века. Отто вообще обожал аксессуары эпохи зарождения психоанализа. Он даже один период бороду носил, как у Фрейда. Однако она ему откровенно не шла, так как делала его лицо похожим на лик святого с православных икон. Согласитесь, трудно человеку неподготовленному рассказывать о перепетиях своей сексуальной жизни психоаналитику с такой внешностью. Пришлось побриться.

Имя и фамилию Отто Генрихович Шульц получил от своих далёких немецких предков с Поволжья, а вот наивное выражение бездонных серых глаз можно было объяснить только явной примесью славянской крови. Впрочем, когда Отто был в деле, то его изумительные глаза праведника моментально теряли всю свою наивность и превращались в сталь.

В кого он пошёл телосложением, сказать трудно, но генетический «замес» получился весьма недурственный – в свои сорок пять лет Отто оставался статным и стройным, как кипарис. В данный момент он расхаживал по кухне в банном халате и с мокрыми волосами – похоже, только что из душа. Душ он тоже, кстати, предпочитал классический водный.

– Эта осчастливленная дамочка перекинула мне на счёт 5000 кредитов. И долго уговаривала навестить их маленькое уютное семейное гнездышко где-то в Калифорнии. Пришло

сослаться на то, что я не успеваю к ночи отпахивать необходимый минимум на тренажерах – усталости для сна не хватает. А посему спешу на корриду в Испанию. В качестве тореадора.

Профессор прыснул от смеха.

– Твой тонкий юмор, безусловно, выше всяких похвал. Жаль, что его не всегда ценят клиенты… Но я не для этого хотел тебя видеть в столь позднее утро. Скажи мне вот что… Что ты знаешь про проекты «Грозовая вершина» и «Серый дример»?

На лице Отто не было и тени веселья. Оно мгновенно стало собранным и серьёзным.

Для всех знакомых и друзей Отто был профессиональным и весьма эксцентричным психоаналитиком, моралью неотягощённым, но, в принципе, дело своё знающим. А ещё у него был талант в области саморекламы. Молодые и симпатичные истерички и невротички всего мира, произнося его имя в кругу подруг, поминутно закатывали глазки и со страстным при-dыханием (при отсутствии на горизонте мужей, естественно) шепотом вешали о технических подробностях стиля работы «этого нахального, циничного, но, без сомнения, крайне эффективного психотерапевта». В случае, когда ему хотелось «праздновать лентяя» он мог перекинуть своих клиентов некоторым из своих друзей-дримеров и исчезнуть на пару дней. А потом объявиться на каком-нибудь курорте в обществе сногшибательной красавицы. Искусство дриминга сам он осваивать не хотел в принципе, так как был идеальным сторонником классического психоанализа. Однако злые языки утверждали, что он был просто-напросто дрималергиком. Оспаривать данное утверждение Отто считал ниже своего достоинства.

И только небольшая горстка людей знала о его второй сущности. Он был заместителем начальника Европейского отдела департамента безопасности Интердрима. Тарасов Андрей Игоревич был одним из его заместителей по оперативной работе. Нет, в Интердриме были, конечно, иувешанные амуницией бодигарды с квадратными подбородками – они стояли в холлах для внушения питетата. Были и неприметные пареньки, внедрённые в персонал – на случай попытки теракта. Да и так, на всякий случай. И очкавые хакеры были. И штатные дримеры, патрулирующие дрим во все стороны в строевом порядке и с чеканным шагом. Особенно после Тольтекского кризиса.

Но к Шульцу и Тарасову это отношения не имело. Они были вторым эшелоном защиты, стоящим над рутиной и текучкой ежедневных попыток внедрения и взлома. И вообще, согласно штатному расписанию, среди работников Интердриимма они не числились. На сцене эта пара появлялась только тогда, когда вставал вопрос о жизни и смерти самого дрима. Когда было решительно неясно, откуда проистекает угроза. Либо когда ситуация развивается от странного к непонятному, и её срочно нужно оценить на предмет этой самой угрозы и ежели что – предотвратить. Одним словом, они имели статус скорее консультантов с широкими полномочиями и подотчетные только непосредственно директорату Интердрима…

Андрей отставил чашку с кофе в сторону и озадаченно посмотрел на шефа. Впрочем, его замешательство длилось не долго.

– Насколько я помню, один из теоретиков выдвинул гипотезу, что в дриме должна существовать такая зона, где на его территорию возможен прорыв иных реальностей. Опущу массу научных терминов и матерных слов этого товарища, но, говоря простыми словами, результат таков – там можно лично встретить богов дрима. Такая себе пуповина, связующая дрим с остальным миром. Это по «Грозовой вершине». Насколько я понимаю, были попытки создать эту зону искусственно? Чтобы вступить таки с ними в контакт. – Андрей вопросительно поглядел на Отто. – Хорошо, не отвлекаюсь! Меньше знаешь – крепче спиши… По «Серому дримеру» мои познания ещё более мизерны. Это мечта на уровне философского камня или эликсира жизни. Дримерский фольклор, согласно которому, кто-то либо нашёл, либо знает, как найти способ проникать в сны и работать там без кода доступа, то есть без согласия и ведома сновидца. А ещё упорно циркулируют слухи про существование Дримера-вампира…

– Вампир? Это что-то новенькое. Сосёт кровь у сновидцев? – Шульц иронично ухмыльнулся. Но глаза его по-прежнему оставались серьезными. Как сталь, которая выглядывает из амбразуры дота. И никакой наивности.

– Нет, конечно... Меньше, чем на души он не разменивается. – Тарасов тоже ухмыльнулся. Но у него получился весьма облегчённый вариант ухмылки шефа. – Кстати, его тоже иногда называют Серым дримером. За внешность. Говорят даже, что где-то на Гавайях есть специальная клиника, где проходят реабилитацию те, кто с этим порождением дрима повстречался. Тебе что-то известно про это заведение, Отто?

Шульц смотрел на подчинённого с видом детской невинности.

– Андрей, есть информация с такими грифами секретности, что к ней имеет доступ только руководитель всей структуры безопасности дрима. Так что не будем отвлекаться от темы. А тема сегодня следующая. Там – Отто выразительно посмотрел на потолок, – искренне считают, что существует прямая связь между «Грозовой вершиной» и «Серым дримером». И некто очень активно интересуется всей доступной, малодоступной и практически недоступной информацией по этому поводу. Кто-то очень системно разрабатывает эту тематику.

Андрей недоумённо пожал плечами.

– Философским камнем тоже масса народу интересовалась. Причём, очень даже системно и не одно столетие – даже целая отрасль в науке появилась. Алхимия называется. Вот только до открытия принципа холодного ядерного синтеза ни у кого ничего не получалось. Так по какому поводу весь сыр-бор?

– Повода два, Андрей. Первый – по оценкам экспертов, проанализировавших весь круг запрошенной информации, кто-то вплотную приблизился к решению задачи по «Серому дримеру». Вожделенный ключ существует у тех, кого дримеры называют богами сновидений.

Андрей отставил чашку с кофе.

– Любопытно... Отто, я не прошу тебя раскрывать передо мной больших и толстых секретов со стаей всяческих грифов, но... А не лежит ли ответ на этот вопрос (причём ответ положительный) где-то в одном из очень охраняемых сейфов? Не в виде электронного файла, а отпечатанный на старой доброй бумаге?

– Андрюша, мальчик мой, ну ты же прекрасно понимаешь, что я никак не могу прокомментировать этот твой вопрос, – с самым что ни на есть простецким видом ответил Отто. Учитывая его внешность, данный вид у Шульца получался просто превосходно.

– Это я и хотел услышать, уважаемый шеф. А что за второй повод для паники?

– Пока что просто озабоченности, Андрей. Пока... А повод следующий – данный круг информации был затребован ДВАЖДЫ... Теперь как минимум три стороны подошли практически вплотную к решению этой задачи.

– А это означает, уважаемый Отто Генрихович, что данный путь потенциально может пройти бессчётное количество народу... И Тольтекский кризис нам тогда покажется просто детской шалостью.

– Соображаешь, Андрей. За что я тебя и ценю. Наша задача звучит крайне просто: найти и обезвредить. Желательно обе стороны.

* * *

Сновидение было странным. Оно не было кошмаром, но и приятным назвать его тоже нельзя. Падение. Бесконечное падение из ниоткуда в никуда, сквозь туман без образов и звуков. Хотя временами ему казалось, что это не падение, а полёт, и он не падает вниз, а взлетает вверх. Просто не существовало точки отсчёта, которая дала бы истинную картину этого странного движения. О том, сколько это длилось, даже думать нелепо – отсчёта времени здесь не было в принципе.

А потом пробуждение. Возникло ощущение, что большие и сильные пальцы с трогательной заботой раскрывали сознание спящего, как кулачёк младенца. От них так и веяло теплом и лаской. В них хотелось раствориться, им хотелось довериться. Собственно говоря, у спящего не было выбора, его уже разбудили.

Маша наблюдала за возвращением с тревогой и нетерпением. Каждое погружение было маленькой смертью для темпонавта, но то, что затянулось сейчас, было гораздо опасней. Это было форменным безумием. Девушка печально улыбнулась своим мыслям – тонкие ценители чёрного юмора непременно посмаковали бы этот каламбур, знай они всю сложность и дерзость замысла.

Глаза открылись как бы сами собой, толчком изнутри – заботливая «мамаша» подняла тонус тела до оптимума. «Мамашей», «мамочкой», «нянькой» между собой темпонавты называли комплекс сопровождения и контроля, которому вверялись их тела, покуда бесплотные сознания парили в неведомых эмпириях иных эпох. Некоторые энтузиасты даже, шутя, утверждали, что «мамочка» – квазиразумное существо с ярко выраженным материнским инстинктом. Одним словом, это был шедевр медицинской техники. В отличии от дриммеров, темпонавты рисковали своим душевным здоровьем куда более, и поэтому к стабильности функционирования своего, так сказать, материального носителя относились не в пример трепетнее.

Вставать он не спешил. В натренированном сознании вдруг слабо замерцал сигнал тревоги. Неуверенно так, словно боясь показаться паникёром, но... Что-то не так. Чего-то не хватало для полноты бытия и умиротворения.

– С возвращением тебя, Тимучин, – мелодичный женский голос прокатился по телу волной тепла и умиротворения. Да! Вот чего не хватало... Он забыл своё имя. Теперь ему его вернули. Но в следующую секунду из неведомых глубин поднялась волна протesta – это не его имя!!! Не его...

...Нет, всё-таки зря она беспокоилась – Тимучин молодчина и гений! Он всё правильно рассчитал. Он ушёл и вернулся.

С тех пор как человечество открыло путь в прошлое через контролируемый сон, он был пожалуй единственным, кто сумел стать высококлассным и темпонавтом, и дримером одновременно. Эти две профессии считаются практически несовместимыми. Нет, не профессии – искусства! Казалось бы, разница не существенная – общего гораздо больше. И тот, и другой, благодаря природному дару и помощи сверхчувствительной аппаратуры, посыпает проекцию своего сознания в разум другого спящего человека. И видит мир его глазами. Но на этом общность и заканчивается. Потому что темпонавт проникает в сознания людей прошлого и видит их глазами события их эпохи. Реальные события. Без права вмешательства. Потому что темпонавт видит память. А дример видит сны. Сны своих современников. И на вмешательство имеет полнейшее право. Это его работа.

Отстегнув все крепления и контакты (тоже чудо инженерной мысли в плане простоты и целесообразности), он вскочил с лежанки и обернулся к девушке. Стройная русоволосая, в синем комбинезоне персонала сопровождения, она, казалось, прямо излучала восхищение. Длинные волосы были заплетены в косу, бездонные синие глаза сияли, но в них читались восторг и вопрос одновременно: «Ну, как?»

Да, действительно... Ну, как? Он что-то должен был там сделать, что-то найти и извлечь. Но что? И почему она упрямо называет его Тимучином?!!! Его зовут совсем иначе!!!

– Маша, почему ты называешь меня Тимучином?

– Потому что тебя так зовут, – и она вздохнула с видимым облегчением.

Вот и всё, получилось. Он извлёк Ключ. Точнее ключ к Ключу. Потеря памяти была плачом. Об этом он её предупреждал. К такому повороту событий он её тоже готовил. С радостным воплем, девушка вскочила с кресла и повисла на шее мужчины.

– Тимка, получилось! Получилось, ты извлёк его… То, что ты сейчас ничего не помнишь, это не беда. Так и должно быть. Миленький…

Вдруг, лукаво улыбнувшись, она схватила его за руку и потащила к зеркалу, висевшему на стене. Зеркало было в полный рост, а посему, Тимучин мог полюбоваться собой целиком и полностью. Из Зазеркалья на него с недоверием и подозрением глядел угрюмый субъект с копной чёрных жёстких даже на вид волос, зелёными глазами и высокими скулами. С грацией тигра. И с явным присутствием монгольской крови в жилах. Тимучин вполне оправдывал своё имя, и его степные предки наверняка бы гордились своим потомком. Впрочем, остальные тоже. Высокий, статный, с фигурой бойца. Глаза смотрели с прищуром, не сулившим ничего хорошего собеседнику. Собеседник с той стороны зеркала ему определённо не нравился.

– Вот, познакомьтесь… Тимка, это – Тимучин! – девушка с шутливой серьезностью показала в сторону типа в зеркале. – Тимучин, это – Тимка…

Аналогичный жест девушка сделала в сторону мужчины.

– Теперь вы знакомы, и, я надеюсь, подружитесь, – счастливо улыбаясь, она прижала голову к плечу Тимучина и посмотрела на их совместное отражение. Не, всё-таки они составляли великолепную пару! На «боевом» счету Маши, уже не один десяток разбитых сердец опытных темпонавтов и матёрых дримеров. Но того, что она испытывала рядом с Тимучином, не могли дать они даже все вместе взятые. Рядом с ним она чувствовала себя воском, водой на солнце, облаком в небе. С тех пор, как она с ним познакомилась, Маша просто перестала замечать других мужчин.

Что до раздумий мужчины, то они были очень и очень далеки от романтический умилений. «Это не я!», – мысль была абсурдной, но упрямой. Тимучин глядел на типа в зеркале и никак не хотел внимать увершеваниям девушки. Не было у него желания с ним подружиться. Кстати, с девушкой всё в порядке! То, что она Маша, что она из бригады сопровождения – не вызывало не малейшего сомнения.

«Ладно, примем пока это за рабочую версию. Итак… Меня зовут Тимучин, и этот тип в зеркале – я же». Ничего… Главное было другое. Судя по воплям Маши – он выполнил какую-то задачу, и что-то там откуда-то извлёк. Но что и откуда?

…Они сидели и пили чай. С точки зрения целесообразности, действие абсурдное – «мамаша» могла бы, при выходе, накачать темпонавта глюкозой, как говорят, по самые брови. Но, тем не менее, с незапамятных времён (темпонавтика насчитывает уже «целых» пять лет, а Интердримм – двадцать) повёлся обычай – после возвращения «оттуда» добра молодца чаём напоить да печеньем накормить. Можно вареньем или мёдом – это уж чем молодцу вкусней. И лишь затем приступать к расспросам об успехах его похождений. Точнее «полетаний».

– Итак, ты утверждаешь, что я провёл операцию успешно и, благодаря этому потерял память… Как побочный эффект, – Тимучин задумчиво, помешивая ложкой чай, смотрел в пространство перед собой. – Я помню тебя, но не помню себя. Я вообще ничего не помню! Ни какое сегодня число, ни чем я раньше занимался. Даже что, а главное, откуда, я должен был извлечь. Такое впечатление, что я просто появился в этой комнате из ничего, но уже со сформированной личностью и навыками… М-да…

– Тимка, всё как ты прогнозировал. Я всегда знала, что ты – гений! – Маша заботливо подливалась чай и досыпала печенье, так как общая мировоззренческая растерянность не мешала здоровому изголодавшемуся мужику походя изничтожать сей несерьезный наедок. – Вот сейчас мы и займёмся заполнением дыр в твоей памяти.

– Кстати, а к чему я ключ-то подобрал? – с печеньем было покончено, и карающая десница переместилась к конфетам.

– Как к чему? К «сердцу» дрима – богам сновидений. А взамен они дадут тебе нечто…

* * *

Несмотря на мелкую морось, падавшую с неба, такси Андрей вызывать не стал, потому как цель его прогулки, кафе «Сонный дример», находилось аккурат через дорогу от его дома. По его расчётом Толик Пахомяненко должен был уже пробираться с чашкой кофе от барной стойки к свободному столику. Подходить к нему с непринуждённой беседой лучше всего, когда он уже сделал пару глотков и пребывает в благодушнейшем состоянии. Народу в это время было не густо, а посему столик, за которым присел объект интереса, оказался свободен.

Как и все завсегда дрима, которые во сне проводят более половины своей жизни, Толик имел отлично проработанное на тренажерах тело. Правда, с его сухопарой конституцией он был похож на высокую костяную фигурку, с которой скульптор чрезвычайно много времени работал резцом. Кроме того, не в пример большинству тех, кто зарабатывал в дриме, Толик предпочитал бриться регулярно.

Андрей примостился рядом легко, как снежинка.

– Привет воинам нагваля, идущим по пути познания и смущающим сонные умы человеческие!

Толик резко обернулся, но увидев Андрея, расслаблено выдохнул, покачал головой и лишь потом улыбнулся.

– Не шути так больше... Я ведь чуть не пристрелил тебя! – он отхлебнул ароматный напиток и поставил кружку. – Просто сегодня я не в лучшем настроении.

– Ну, что ж... Будем тогда лечить твоё настроение.

Андрей подозревал официантку и заказал два по сто коньяка. Плюс кофе для себя.

– А как же твоя безупречность и сталкинг? Или от тебя сбежал твой самый лучший мелюзговый тиранчик? – шутками и прибаутками из фольклора тольтекского движения Андрей пытался развеселить приятеля, а заодно и направить разговор в нужное русло.

– Не-а, не дождёться – моя тёща никуда от меня не сбежит, – Толик тяжко вздохнул, а потом улыбнулся. Похоже, старания Андрея не пропали все. – Просто сегодня какой-то приурок из бывших охранников Интердрима покалечил нагваля нашей группы. В дриме, естественно. И мы все отребли за разгильдяйство и общую расслабленность в рейде.

Андрей моментально насторожился, как пёс, учтивший след. Надо отметить, что его отношения с Толиком были весьма специфическими. Толик нравился Андрею за чистоту и незамутнённость юношеских идеалов, стремление раз и навсегда переделать и радикально улучшить этот мир. Парню было всего 22 года, но он успел себя зарекомендовать как перспективный хоть и начинающий дрим-архитектор. На его счету была уже не одна изящная разработка интерьера приватных сновидений. Андрей же завоевал нешуточное уважение в глазах Толика, когда вытащил из острого невроза его младшую сестрёнку.

Обратив внимание на её странную замкнутость и рассеянность, брат инкогнито пробрался в её сон. И там с ужасом обнаружил классические симптомы зреющего суицида на почве неразделённой и оскорблённой любви. За помощью он кинулся к именитейшему в Европе психоаналитику Отто Шульцу. Ну, а тот порекомендовал Толику своего знакомого частнопрактикующего дримера. Парень был просто потрясён изяществом Андреевой работы и с ходу заявил ему, как только они встретились наяву, что «им такие люди нужны».

Как оказалось, Толик всего пару недель назад примкнул к одной из общин «воинов нагваля». Идейным вдохновителем-предтечей этого течения считается американский писатель средины двадцатого века Карлос Кастанеда. Нет, сам он ничего такого не основывал. Просто Кастанеда создал добротный литературный продукт. В серии книг он описал свои встречи с индейским магом племени яки (или тольтеком, как он сам себя называл, «человеком знания»), который изложил Кастанеде основы своего магического учения. Так бы и канул он в Лету,

подобно десяткам других мистиков бурного двадцатого века, если бы не одна прелюбопытнейшая деталь. Кастанеда создал красочное и детальное описание такой психической практики как «осознанное сновидение», когда человек во сне мог мыслить, действовать и путешествовать, словно бы он находился в состоянии бодрствования.

Оно было настолько схоже с тем, что происходит с людьми в дриме, только без помощи Интердрима, что до мысли об альтернативе и независимости от Интердрима оставался один шаг. Практически одновременно с рождением дрима на сайтах гиппернета начали стихийно возникать сайты, форумы и просто чаты, посвященные обсуждению практики осознанного сновидения, а также перспектив её реального применения. Параллельно с пассивным обсуждением темы, коему предавалась подавляющая масса любопытствующих, наиболее активные и деятельные сторонники учения начали формировать практикующие группы «воинов нагваля», как они сами себя называли.

Сначала они вели себя скромно и благопристойно. Создавали свои сетевые сны и учились управлять ими без помощи аппаратуры. Однако особыми успехами похвастаться они не могли. В движении назревал идеяный кризис. Правда были зафиксированы отдельные случаи входления в состояние осознанности во сне, однако превратить эти эпизодические явления в системные, дающие устойчивый эффект, не получалось. По всеобщим прогнозам через год-два это веяние должно было само собой рассосаться.

И вдруг два года назад ситуация получила неожиданный для всех новый толчок к развитию. Сразу на нескольких сайтах появился так называемый «Манифест сталкера». Суть его сводилась к следующему. Нельзя, находясь внутри Интердрима и живя по его правилам, стать свободным от него. Уступая Интердриму в малом, мы обрекаем себя на повиновение и в большем. А повинуясь ему, мы не можем обойтись без него. И если ты идёшь по пути сталкинга (осознания, отслеживания мотивов и причин своего поведения – этакий тольтекский вариант психоанализа), то ты должен с корнем вырывать в себе все те привычки и нормы, которые посеял в твоём разуме этот тиран. А так как это занятие не для слабаков, то пройти по этому пути могут только избранные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.